

Ци Юй на мгновение задумался, затем сказал:

— Вполне осуществимо. Брат Пэй, просто ждите моих известий.

Сказав это, он отправился в конюшню, оседлал лошадь и поскакал в Ханьцзин.

В народе Даюаня существовало множество конных рынков, в основном для сельскохозяйственных и транспортных нужд. В городе Ханьцзин тоже был один, хотя и не слишком крупный.

Пэй Чоу действительно нашёл те несколько десятков лошадей даюэ на одном из крупных конных рынков.

У лошадей даюэ при быстром беге выступали кроваво-красные капли пота, и торговцы, чтобы скрыть этот след, обмазывали их тела грязью.

Простолюдины покупали лошадей для работы, им было неважно, чиста ли лошадь, поэтому они не связали этих покрытых грязью коней с пропавшей партией, принадлежавшей двору.

К счастью, Пэй Чоу среагировал вовремя, а Ци Юй действовал быстро, и эта партия лошадей не успела покинуть пределы Ханьцзина.

Все в Палате Дали дружно подняли большие пальцы в адрес Пэй Чоу, а сам начальник Палаты лично пришёл к нему с визитом.

Император Цзинфэн, обрадовавшись, махнул рукой и щедро наградил!

Получив награду, Пэй Чоу поспешил купить домой ещё несколько чайников, чтобы Пэй Ван перестал ворчать на него за расточительство.

Обычно шумная и ругательная Резиденция герцога неожиданно погрузилась в непривычную тишину.

В кабинете герцога Динго.

Цинь Янь сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и время от времени играл со своей косой.

Цинь Цюань с серьёзным выражением лица произнёс низким голосом:

— Ты расследовал дело о лошадях даюэ?

Цинь Янь ответил:

— Да.

— И что выяснил?

Цинь Янь улыбнулся, но улыбка не достигла его глаз:

— Начальник Тайпусы отправил в Цзиньчи не только лошадей даюэ.

Сердце Цинь Цюаня сжалось, он нахмурил брови:

— Что ты имеешь в виду?

— Вы понимаете, что я имею в виду.

Цинь Янь встал и лениво потянулся.

— Дедушка, вы с детства запрещали мне изучать военные трактаты и тактику, боясь, что однажды я окажусь на поле боя и в будущем некому будет проводить вас в последний путь. И я во всём вас слушался.

Его голос донёлся лёгким, почти неосязаемым шёпотом.

— Боюсь только, что в конце концов всё пойдёт наперекор желаниям.

— Господин, попробуйте, пожалуйста, это жареное мясо — новое блюдо из «Ветки весны», обычным людям его не попробовать.

Цянь Хэндо, согнувшись в почтительном поклоне, чрезвычайно услужливо положил еду в тарелку собеседнику.

— О? А ты, оказывается, разбираешься в еде.

Ши Гунпин откусил кусочек, аромат заполнил рот, он ел, прищурившись от удовольствия:

— Действительно неплохо.

Прислушиваясь к шуму на улице, он спросил:

— Сегодня что, особый день? Почему на улицах так много учёных, да ещё все в белых одеждах, и масштаб немаленький.

Цянь Хэндо задумался на мгновение, но не проронил ни слова.

Ши Гунпин, видя его уклончивый вид, нахмурился:

— Говори, если есть что сказать.

Цянь Хэндо, внимательно наблюдая за его выражением лица, осторожно произнёс:

— Господин, сегодня семнадцатое сентября, это... это день памяти сына и невестки герцога Динго.

Прошло уже целых шесть лет с тех пор, как эта прекрасная пара из семьи Цинь покинула этот мир.

Мальчик, который когда-то катался на деревянной лошадке в императорском парке Цзинфэна, уже вырос в местного повесу.

Ши Гунпин, вспомнив своего беспутного сына, раздражённо хлопнул винной чашкой о стол, расплескав вино. Цянь Хэндо поспешил подобрать рукав, чтобы вытереть.

— Этот негодник Ши Сяо хорошему не учится, только и знает, что следовать за Цинь Янем и постоянно безобразничает, сплошные неприятности мне доставляет!

Увидев, как Цянь Хэндо усердно трёт стол, с сосредоточенным видом, словно намерен протереть его насквозь, Ши Гунпин не знал, смеяться ему или плакать:

— Хватит тереть!

Цянь Хэндо остановился и снова налил ему вина:

— Господин ещё молод, увидит кого-то яркого — и тянется за ним. Когда подрастёт, поймёт ваши добрые намерения и заботу.

Ши Гунпин фыркнул:

— А этот парень из семьи Цинь на нынешней Осенней охоте всю блистал.

Сказав это, он, словно что-то вспомнив, выпрямился:

— Что-то не так. В прошлые годы на осенней охоте этот парень отсиживался сзади и спал, выходил с пустыми руками только когда всё заканчивалось. Почему в этом году всё так изменилось?

Цянь Хэндо задумчиво произнёс:

— Возможно, привычка бесчинствовать взяла верх, и он принёс свой нрав наследника на охотничье поле.

Ши Гунпин искоса взглянул на него:

— Другие могут не видеть, но разве мы с тобой не понимаем? Под его репутацией «ханьцинского повесы» — сколько там истинного, а сколько ложного?

Он подошёл к окну, распахнул створки и посмотрел вниз.

Небольшие группки учёных в белых одеждах собрались вместе, с благовониями, свечами и ритуальными деньгами в руках, направляясь в пригород.

Спустя мгновение Ши Гунпин сказал:

— Сделай кое-что для меня.

По замыслу императора Цзинфэна, Цинь Шусяна и его супругу следовало похоронить в императорской гробнице, но Цинь Цюань изо всех сил отговаривал, и в итоге их похоронили на холме в окрестностях Ханьцина.

Когда Коу Яня силой притащил к могиле его собственный отец, конфуцианские учёные уже стояли на коленях белым ковром: кто возжигал благовония, кто сжигал ритуальные деньги.

Те, кто с достоинством умер за страну, заслуживают почитания потомков.

Вокруг могилы не было ни травинки, за могилой рос огромный красный клён, листья алые, как огонь. Некоторые красные листья, сорванные ветром, падали на могилу и стелу, добавляя красок.

Коу Янь, надув губы, был вынужден Коу Цзилинем идти к могиле и кланяться.

Большинство присутствующих были учёными из Гоцзыцзяня, меньшинство — чиновниками, вступившими на службу. Они узнали Коу Яня и украдкой разглядывали его.

Коу Янь чувствовал себя как на иголках, под двойным пристальным взглядом, не сулящим ничего хорошего. Со стуком он опустился на колени перед могилой Цинь Шусяна и его жены и жёстко трижды ударился лбом о землю.

Кланяясь, он в мыслях бормотал: «Генерал Цинь, госпожа Цинь, пребывайте благополучно на небесах, будьте богаты и знатны, достигнете просветления и вознесётесь в бессмертные. Заодно и меня, маленького, защитите, чтобы меньше получал от старика побоев. Спасибо, спасибо, спасибо!»

Коу Цзилинь, видя, что тот долго не встаёт и что-то бормочет себе под нос, нахмурился и уже собрался подойти, чтобы приподнять его.

К ним приблизилась белая, как снег, фигура:

— Господин Коу.

Коу Цзилинь слегка кивнул:

— Господин Ци.

Ци Юй обменялся с Коу Цзилинем несколькими вежливыми фразами, затем зажёл благовония и поднёс их к стеле, после чего достал из корзины кувшин зелёного вина и чашку с закусками, поставив всё по порядку.

Коу Янь стоял на коленях слева от него, перестал бормотать и просто смотрел на него заворожённо.

Только когда Ци Юй, поднявшись, уходил и слегка кивнул ему, Коу Янь очнулся, словно от сна.

Он бросился к Коу Цзилиню и устался на тонкую спину Ци Юя, уходящего вдаль:

— Папа, а это кто?

Коу Цзилинь, глядя на его покрасневший от поклонов лоб, был весьма доволен:

— Младший министр Палаты Дали Ци Юй.

Затем, подумав, снова наградил его подзатыльником и сердито сказал:

— Негодник, ты уже несколько месяцев как на службе, а до сих пор не всех знаешь в лицо!

— Ай! Папа, полегче! Я просто... по делам, по делам занят!

— По делам? Каким ещё делам? Министр уже говорил мне, что целыми днями тебя не видно! Где ты шатаешься?

Коу Янь, стоная, потянулся к своему оттопыренному уху, обиженно:

— Папа, мы же перед могилой генерала Циня, можешь дать мне хоть немного сохранить лицо?

Шум, поднятый отцом и сыном, уже привлёк внимание окружающих. Коу Цзилинь кашлянул и убрал руку.

Он оттащил Коу Яня в безлюдный угол и сказал серьёзным тоном:

— Негодник, знаешь, почему я обязательно заставил тебя поклониться генералу Циню и его супруге?

На лице Коу Яня отразилось недоумение.

На висках Коу Цзилиня появилась тень боли:

— Эту твою маленькую жизнь спасла госпожа Цинь.

Коу Янь широко раскрыл глаза.

— Помню, это было зимой пятого года правления Цзинфэн. Я, как инспектирующий цензор, как раз был в командировке в Цзинчжоу. Твоя мать как раз подходила к сроку родов, врачи заранее предупредили, что положение плода неправильное, роды будут опасными. Я спешил день и ночь, но небеса мне мешали: зимний снег засыпал официальную дорогу, повозки и лошади застряли в снегу, не могли выбраться. Я был в отчаянии! Звал небо — небо не отвечало, звал землю — земля не откликнулась. Когда расчистили горную дорогу, я помчался в Ханьцзин изо всех сил, боялся, боялся...

Коу Цзилинь, всё ещё охваченный страхом, поспешно смахнул угол глаза, слегка успокоился и продолжил:

— Я вошёл в дом и увидел, что ты лежишь на руках у матери. Увидев меня, даже не заплакал, а лишь глупо улыбался мне, с самого детства бесчувственный!

Он усмехнулся:

— Я спросил у твоей матери и узнал, что госпожа Цинь, возвращаясь из дворца, проезжала мимо дороги за нашим задним двором, учуяла запах крови и послала спросить. Узнав, что у твоей матери тяжёлые роды, она слезла с лошади и поспешила во внутренний двор. Её собственный сын был на год старше тебя, и рожала она тоже тяжело. Госпожа Цинь трудилась полдня, пока не помогла появиться на свет тебе, негоднику, и мать, и ребёнок остались живы.

Коу Янь слушал ошеломлённо.

Коу Цзилинь похлопал его по плечу:

— Генерал Цинь и госпожа Цинь ушли рано, и я не могу заставить тебя проявлять сыновнюю почтительность перед ними. Раньше не считалось, но теперь, когда ты вернулся в Ханьцзин, в праздники и памятные дни всё же приходи, чтобы возжечь для них благовония и поклониться, понял?

Коу Янь закивал, как маятник, и вдруг что-то вспомнил:

— Кстати, сегодня день памяти генерала Циня и его супруги, а почему наследник Цинь не пришёл?

Благодарю за прочтение!

<http://bllate.org/book/15464/1368199>